

ЛИЛИАН СИЛЬБЮРН: МИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Андре Паду, перевод с французского Андрея Игнатьева

Можно сказать, что те, кто интересуется Индией – во многих отношениях чарующей цивилизацией – бывают двух видов. К первому принадлежат специалисты по субконтиненту (индологи, санскритологи, антропологи и т.д.), для которых она выступает объектом научного исследования и чей подход носит объективный, отстраненный характер. А второй, намного более многочисленный, составляют те, кого привлекает духовная Индия, кто надеется отыскать в ней ответ на свои поиски и учителя, гуру, который откроет им врата высшей истины. Эти две различные категории (даже если существует «серая зона») не смешиваются. Между тем, случай Лилиан Сильбюрн, биография которой стала предметом для книги Жаклин Шамброн, это как раз пример личности, которая сумела, возможно, осуществлять одновременно, жить, «проживать» два подхода к Индии, выделенные нами, с таким же успехом и легкостью, не смешивая их, но взаимно обогащая. Кроме того, она придала одному из них, «мистическому», социальное присутствие. Проработав всю жизнь как исследователь-индолог в Национальном центре научных исследований, она также искала, а затем нашла в Индии духовного наставника, который дал ей возможность испытать мистический опыт исключительной интенсивности и глубины, и этот опыт полностью изменил ее жизнь, и при этом она не переставала, тем не менее, оставаться индологом высокого уровня, что повсеместно признавали ее коллеги. А значит, ее случай заслуживает быть представленным, поскольку, помимо собственного интереса, он ставит двойную проблему. Во-первых, проблему сосуществования в одном человеке двух натур, если можно было бы сказать, природы исследователя и природы мистика. И во-вторых, проблему представляет факт, что эта необычная, мистическая сторона ее деятельности оставалась неизвестной для большинства из числа тех, кто ее знал и даже, кто был близок к ней на протяжении долгого времени. Поскольку эти два аспекта ее личности находили проявление в повседневной жизни, где она была для тех, кто ее знал, человеком очень веселым, открытым, заботящимся о других и готовым прийти к ним на помощь, о ее глубоких духовных устремлениях было известно, но не имели представления о природе того, что она постигла и «прожила». Для них книга Шамброн была в этом отношении подлинным открытием, даже шоком.

Эта книга, перейдем к ней, представляет собой документ. Ее автор описывает жизнь Лилиан Сильбюрн, начиная с детства и вплоть до последних дней (в 1993 г.), но также и главным образом духовные отношения глубокой экзистенциальной природы, которые связывали ее на протяжении всего жизненного пути с ее гуру, который сам являлся необычным человеком. Именно описанию этой связи и тому, что она экзистенциально подразумевала главным образом и посвящена данная работа, которая, не переставая

рассказывать о ее жизни, содержит извлечения из дневника, что она вела по просьбе своего гуру, а также из их переписки, личных заметок и других документов, равно как и свидетельств разнообразных видов.

Лилиан Сильбюрн родилась в Париже в 1908 г. Ее мать была француженка, а отец – британец, а значит, у нее было две национальности. Со своего детства она ощущала божественную милость и испытывала другие виды экстаза, но она была девочкой, а затем девушкой активной, жизнерадостной, хорошо адаптированной в обществе, уже тогда превосходная пловчиха. Лилиан была также очень независимой, имеющей склонность к обширным пространствам и к уединению. Будто бы она хотела заняться изучением религии, но поскольку ее родители этому воспротивились, она выбрала философские исследования (продолжавшиеся с 1938 по 1948 г.), полагая, что они помогут ей приблизиться к Высшей истине, к которой она стремилась. Блистательно учась, в Сорбонне Лилиан была достаточно близка к Гастону Башляру, но рано обратилась к индийской мысли, изучая санскрит, пали (и даже авестийский) и посещая занятия Луи Рену, Поля Фуше и Поля Массона-Урсея. В ту пору она особенно интересовалась кашмирским шиваизмом, и, следовательно, тантризмом – оригинальный выбор для своего времени, когда эти две темы практически не изучались в университете. Лилиан завершила свое образование, защитив дипломную работу в Практической школе высших исследований, а работа эта представляла собой аннотированный перевод «Шива-сутра-вимаршини» Кшемараджи, шиваитского тантрического текста. В 1947 г. вышло ее исследование о кашмирском шиваизме и тантризме в первом томе «L'Inde classique». Тогда она также написала относящуюся к совершенно другой области докторскую диссертацию «Миг и причина. Разрыв в философском мышлении Индии» (вышла только в 1955 г.). Затем она устроилась в Национальный центр научных исследований, где и проработала всю свою карьеру индолога. То, что Лилиан занялась изучением кашмирского шиваизма, оказалось очень правильным, так как совокупность этих текстов (созданных между VIII и XIV вв. н.э.) представляет, несомненно, то, что Индия произвела наиболее замечательного и блистательного в интеллектуальном плане: теперь мы знаем это, после того, как, в частности, под влиянием профессора Оксфорда Алексиса Сандерсона эта традиция в ее разнообразных формах была подвергнута систематическому изучению. Лилиан Сильбюрн же со своими работами стала пионером в этом отношении.

Следует добавить здесь, что Лилиан Сильбюрн, которая, кажется, обладала прирожденным талантом графолога, провела вместе со своей подругой Анн-Мари Эснурь, сотрудницей Луи Рену и преподавательницей санскрита в Сорбонне, исследование «типов», основанное на наблюдении за связью почерка и характера. Она собрала наблюдения в этой области. Таким образом, можно было увидеть ее интуитивно улавливающей характер, природу человека, через облик его черт, его почерк, даже его жесты. Отметить это здесь небезынтересно, так как это глубокая черта природы Лилиан,

которая объясняет некоторые аспекты или моменты ее поведения, в этом случае одновременно поведения наблюдателя и мистика.

Желая углубить познания в этой совокупности традиций, которая станет темой/объектом ее исследований на протяжении всей жизни, Лилиан Сильбюрн отправилась в научную экспедицию в Индию в 1949 г., чтобы работать там вместе со Свами Лакшманджу (1907–1993), последним представителем шиваитской традиции трики, учение которой излагал, в частности, тот наставник исключительного дарования, каковым являлся Абхинавагупта (конец X – начало XI вв.). Она поселилась рядом с этим Свами, живя в стесненных условиях неподалеку от его ашрама. Впоследствии она провела здесь с перерывами долгие месяцы вплоть до 1961 г., изучая вместе с Лакшманджу, в частности, «Тантралоку» Абхинавагупты, великое произведение на санскрите, являющееся базовым текстом для постижения тантрического шиваизма. Она полностью перевела это произведение. Но также Лилиан в глубинах своей души надеялась отыскать в Индии духовного учителя, который открыл бы ей путь к Богу вне всякой религиозной устоявшейся формы. Она нашла его в городе Канпур, куда прибыла без какого-либо обдуманного намерения и даже «вопреки (моей) воле», в лице суфийского наставника Радхи Мохана Лал Адхаулийи – каястхи, индуса, а значит не мусульманина (но каястхи традиционно были на службе моголов), посвященного в местную ветвь суфийской линии накшбандия своим отцом, «Великим Суфием». Лилиан тотчас же признала исключительную природу своего нового знакомого и благодаря ему она испытала мистический опыт, ведущий к трансформации и превративший ее отныне в новое существо. Характерная деталь, по ее утверждению, то, что ее поразило тогда, так это «необычный почерк гуру и его брата, чудесный почерк суфия». Находясь рядом с этими учителями, она погрузилась, по ее словам, в «простоту молчания, о котором никогда и не мечтала», «все структуры обвалились». Но, ощущая себя полностью изменившейся, она не утратила здравого смысла исследователя, и несмотря на полное доверие, которое Лилиан испытывала к гуру, она на протяжении нескольких дней подвергала его испытанию, дразня его и шутя, испытанию, которое он с триумфом выдержал, благодаря своему «глубокому чувству юмора». Но одновременно она внутренне проживала то, что дал ей гуру. Покинув его спустя несколько дней, она отправилась на кумбхамелу, огромное собрание индуистских паломников, которое проводилось тогда в Хардваре, на берегу Ганги; она приняла в нем участие. Но, на третий день, потерявшись в лесу, она более не увидела никакой кумбхамелы, так как «началась новая жизнь <...> в тот день, подлинный день [ее] рождения». В то утро Лилиан плыла в водах Ганги, в мощном неодолимом течении горного потока, выходящего на равнину. А затем она позволила увлечь себя течению, находясь в глубоком мистическом состоянии. С трудом, едва не лишившись чувств, она выбралась из реки. На протяжении пятнадцати дней и пятнадцати ночей она бродила по лесу, спя под деревьями, питаясь тем, что давал ей нагой санньяси (аскет), забыв обо всем: «я была совершенно

опьянена и наполовину потерялась». Невозможно передать здесь то, что она рассказывала об этих днях (впрочем, и о ее жизни до тех пор) на лекции (с. 43–54), которую Лилиан прочитала чуть позже по просьбе гуру перед группой его учеников. Она описала в ней, насколько это было возможно, характерные черты мистического состояния, в котором она тогда оказалась: восхитительная сладость, одновременно духовная и телесная, «но которая не принадлежит этому миру», сердцебиение, «как если бы пещеры сердца (*hr̥dguha*) были пустые и их наполнила огромная мощь», «счастье столь большое, что я не могла боле выдержать ни секунды». В этот период она переживала иногда состояния «йогического сна» (*yoganidrā*), когда не спишь, но не осознаешь мир. Такие (и другие) состояния описываются в извлечениях из ее дневника и в ее переписке с гуру и некоторыми близкими людьми. Она возвратилась к гуру, который с глубиной и силой позволил пережить ей напряженные мистические состояния. Дни проходили тем боле изнуряюще, что условия ее жизни в Канпуре были очень далеки от комфорта. Уставшая она вернулась во Францию в июне 1951 г. И все-таки Лилиан не потеряла после возвращения контакт с гуру, поскольку сохранила с ним постоянную духовную связь: они «сообщались», даже когда она была во Франции, и это продолжалось вплоть до смерти гуру в 1966 г. Эта неразрывная экзистенциальная связь с гуру, которую она «проживала» (характерная черта ее жизни) как раз является темой этой книги и может представлять интерес в рамках наших Архивов.

Что касается гуру, то он рассматривал Лилиан в качестве самого важного из своих учеников (и наиболее близкого, возможно), чья роль отныне в его глазах заключалась в том, чтобы сделать известным во Франции его учение. К этой теме он часто возвращался в своей переписке с ней, продолжавшейся с 1951 по 1966 гг. Извлечения из переписки были представлены в разделе «Лилиан и гуру 1950–1966» (с. 69–198), и данные извлечения составляют самую интересную его часть. В меньшей степени представляют интерес представленные здесь письма гуру (самое важное между ними проходило не в письмах), которые в духовном отношении достаточно обычны и содержат упоминания о многих его материальных трудностях и тяжелых проблемах с здоровьем. Но наиболее любопытно написанное Лилиан, извлечения из ее переписки с гуру, с друзьями и (духовно) близкими людьми, но особенно выдержки из ее дневника и личных записок: это образует исключительно интересную совокупность в отношении жизненного опыта мистика, который переживал мгновения, наполненные несравненным светом, но также и моменты мрака и отчаяния. Что касается этой сферы, то по моему ощущению, хоть я сам не мистик, мы имеем документы редкой ценности, поскольку редки, я полагаю, мистики, способные увидеть себя живущими в качестве таковых – и описать это ясным образом. Среди прочего эта позиция нашла такое проявление: запрашиваемая в 1971 г. двумя исследователями-неврологами, Анро из Национального центра научных исследований и Этевено из Национального института здоровья и медицинских исследований позволить записать ее мозговые волны, во время ее нахождения в глубоком мистическом

состоянии, она согласилась, полная любопытства и веселья. Результаты опыта были опубликованы в «La Recherche» («Намеренно измененные состояния сознания») в декабре 1972 г.

Эти черты иным образом обнаруживаются в следующем разделе книги, «Жизнь в Ле-Везине» (с. 215–285). Вернувшись во Францию в 1951 г. после своего трансформирующего опыта, имевшего место в октябре 1950 г., Лилиан Сильбюрн принялась за осуществление задачи, которую ей доверил ее гуру: сделать известным во Франции его учение. Она давала инициацию некоторым (редким) личностям, которые оказались «достойными», среди них Шамброн и на менее высоком уровне собирала других, небольшую группу, у себя в Ле-Везине один или два раза в неделю после полудня, а кроме того, проводила ежегодные собрания (bandhara), посвященные гуру, который, как предполагалось, духовным образом специально присутствовал на них. На этих собраниях было большое число участников, выросшее до нескольких десятков (некоторые приезжали из провинции, в частности, из Марселя, где вокруг одного из учеников Лилиан образовалась небольшая группа). В послеполуденных собраниях иногда принимали участие посторонние (Дюркгейм, монсеньор Скрима ...). Так было до ее ухода из жизни в 1993 г. (практику вплоть до наших дней у себя в Ле-Везине продолжает Шамброн). Так возникло, приняв социальное измерение, в парижском регионе (с несколькими участниками из провинции) не секта, но духовное движение, утверждая присутствие во Франции учения гуру из Канпура с тем, что Лилиан Сильбюрн смогла привнести в него в духовном плане. Эта передача проходила «от сердца к сердцу» через духовное, молчаливое присутствие учителя без каких-либо обрядов согласно суфийской традиции. Прямой путь к Богу, не подразумевающий какой-либо ссылки, текстовой или иной, на Индию, о чем некоторым нынешним участникам не следует, впрочем, знать. Все это описывается, с приложением различных документов, в данном разделе, который иллюстрирован множеством фотографий (некоторые из них цветные), показывающих Лилиан и ее близких в Ле-Везине и других местах.

После своего возвращения во Францию Лилиан Сильбюрн одновременно продолжила свою исследовательскую работу в Национальном центре научных исследований. Она сделала и опубликовала переводы, с пространственным предисловием и комментариями, девяти санскритских текстов кашмирского шиваизма, начиная от «Парамартхасары» Абхинавагупты (1959) и до «Спанда-карики» (1990), включая одну книгу («Hymnes aux Kālī. La roue des Énergies divines»), посвященную малоизвестной школе крамы. Все эти издания выходили в серии «Publications de l'Institut de Civilisation Indienne de l'Université de Paris». В конце своей жизни она пожелала издать выполненный ей вместе со Свами Лакшманджу перевод глав со второй по пятую «Тантралоки», посвященных путям, ведущим к освобождению; со своей стороны, я перевел главу, должен был впоследствии составить введение и довести до конца работу, вышедшую в 1995 г. Она же продолжала работу до своих последних дней. Лилиан всегда была очень активна в интеллектуальном

отношении, одновременно обладая большой духовной силой, но чувствовалось, иногда очень заметно, что по сути она была «в другом месте». Именно в этом состоянии она присутствовала за три недели до своей смерти на большом ежегодном собрании, бхандаре, в этом же году приняв индивидуально каждого из участников – мужественное действие, демонстрирующее веру Лилиан в миссию, которую ей поручил ее гуру.

Что касается ее комментированных переводов, где комментарий занимал, как правило, больше места, чем переведенный текст, Лилиан Сильбюрн работала, очевидно, как академический индолог, при этом ее владение санскритом, языком, чей метафизический и мистический словарь намного более богат, чем у нашего языка, позволяло ей расшифровывать зачастую трудные тексты. Здесь она всегда использовала саму терминологию этих текстов на санскрите, терминологию, которая дошла до того, что стала способом выражения ее научного мышления – и это именно для того, чтобы описать мистические состояния, неизбежно присутствующие в текстах, имеющих целью привести адептов к спасению. Но что касается этих состояний, именно знания, которыми она обязана своему гуру, питали ее мысль и делали возможным ее проникновение в глубинный смысл текста. Это находит проявление во всем, что она написала, но в особенности, может быть, в ее предисловии к «Виджняна-бхайраве», увидевшем свет в 1961 г. Этот необычный текст VIII в., типично тантрический по обращению к тому, что в человеческом существе относится к телу и его импульсам, излагает 112 средств прямого достижения абсолюта для опытного йогина, в частности, оставляя место для импульса, а затем преодолевая его. Лилиан Сильбюрн объясняет их все затем в длинном «Послесловии», «Циклах мистического продвижения», она принимается показывать, что в этом тексте речь идет об одиннадцати циклах. Эта работа является наиболее известной из всех ее произведений. Неоднократно переизданная, она обладает определенным влиянием: ее используют гипнотерапевты. Данная работа привела многих людей к Сильбюрн. В наше время она была переведена в Аргентине, где зачастую используется на духовных собраниях, поскольку их организаторы связаны с Шамброн. Группа из десятка адептов образовалась также в Канаде, в Оттаве: еще один случай общественного влияния наследия Сильбюрн.

Книга заканчивается главой «Мистическое измерение», составленной из текстов, написанных Лилиан Сильбюрн по различным темам, в частности, в отношении роли гуру: нечто вроде небольшого трактата о мистической жизни. Открывая эту во многих отношениях исключительную личность, в образе этого текста мы имеем дело с интересным документом, что касается как мистического феномена, так и манеры, в которой этот феномен может быть прожит и может обрести общественное влияние.

В отношении традиции, к которой принадлежит Радха Мохан Лал Адхаулия, см. книгу: Gupta R. K. *Yogis in Silence. The Great Sufi Masters.* (Delhi: V.R. Publishing Corporation), это очень типичная работа в плане присущей индийцам почтительности к гуру. Совсем другой подход мы обнаруживаем в

одной из глав книги: Dahnahrdt Th. *Change and Continuity in Indian Sufism* (Delhi: D.K. Printworld, 2002), где критическим образом рассматривается региональная суфийская традиция, к которой принадлежал гуру Лилиан Сильбюрн.